

И.В. Смолькова

ПОНЯТИЕ ОБВИНЯЕМОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Настоящая статья посвящена одной из дискуссионных проблем науки уголовно-процессуального права и правоприменительной практики – проблеме понятия обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. В юридической литературе высказано мнение, ставящее под сомнение существование фигуры обвиняемого с позиции презумпции невиновности. Автор придерживается позиции, что в настоящее время нет оснований для устранения фигуры обвиняемого.

Ключевые слова: обвиняемый; презумпция невиновности; дела частного обвинения; мировой судья; лицо, в отношении которого подано заявление частным обвинителем; подсудимый; квазиобвиняемый.

I.V. Smolkova

THE CONCEPT OF THE ACCUSED IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article is dedicated to one of the controversial issues in science of criminal procedural law and practice - the problem of the concept of the accused in the Russian criminal trial. In legal literature the opinion that calls into question existence of a defendant figure from a position of a presumption of innocence is expressed. The author's position is that there is currently no reason to eliminate the figure of the accused.

Key words: accused; presumption of innocence; private prosecution; Justice of the Peace; the person in respect of whom filed a private prosecutor; defendant; quasi-defendant.

Обвиняемый является одной из ключевых процессуальных фигур на протяжении почти всего уголовного судопроизводства. Без преувеличения можно сказать, что обвиняемый всегда находится в центре уголовного судопроизводства: по поводу его деяний возбуждается, расследуется и рассматривается в суде уголовное дело, в отношении него суд постановляет приговор и в определенных законом случаях применяет наказание.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 20 декабря 2005 г. № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению гражданина жалобы Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”» отметил, что Конституция Российской Федерации исходит из особого статуса обвиняемого и необходимости установления дополнительных гарантий защиты его законных интересов, указав, что «соответствующие гарантии предусмотрены в уголовно-процессуальных нормах, специально определяющих статус обвиняемого и имеющих приоритет (в качестве *lex specialis*) перед нормами, регулируемыми какие-

либо общие правила, следовательно, нормы отраслевого законодательства, носящие общий характер, не могут применяться в отношении обвиняемого без учета его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний статей 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации» [8].

В уголовно-процессуальной литературе всегда имел и в настоящее время имеет место большой интерес к фигуре обвиняемого. Однако несмотря на многочисленные публикации, посвященные исследованию процессуального положения обвиняемого, тем не менее, вопрос о понятии обвиняемого до настоящего времени остается дискуссионным и не до конца определенным. Прежде всего в этой связи обратимся к закону.

Часть 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым признает лицо, в отношении которого:

- 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого;
- 2) вынесен обвинительный акт;
- 3) составлено обвинительное постановление.

Постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого выносится в ходе предварительного следствия следователем (ст. 171 УПК РФ), а в исключительном случае – дознавателем в ходе дознания (ч. 3 ст. 224 УПК РФ). Обвинительный акт и обвинительное постановление составляются дознавателем, а в случаях, когда дознание проводилось следователем Следственного комитета РФ, – следователем (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ).

Обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, является оправданным (ч. 2 ст. 47 УПК РФ).

Некоторые авторы выделяют еще один случай, когда, лицо приобретает статус обвиняемого, по их мнению, он возникает при производстве по уголовному делу частного обвинения у мирового судьи. Этот случай не упоминается в ч. 1 ст. 47 УПК РФ. О моменте появления фигуры обвиняемого в указанной ситуации авторами, поддерживающими эту точку зрения, высказаны разные суждения. Так, по мнению Ю.В. Свиридовой, статус обвиняемого лицо, в отношении которого подано заявление частным обвинителем, приобретает с момента принесения последним такого заявления [10, с. 34]. С данным мнением трудно согласиться, ибо момент принесения заявления не может являться и не является тем отправным процессуальным моментом, когда может появиться обвиняемый, поскольку термин «принесение» заявления не является правовым и не порождает уголовно-процессуальных отношений.

С точки зрения других авторов, указанное лицо приобретает статус обвиняемого с момента принятия мировым судьей заявления к своему производству (ч. 3 ст. 319 УПК РФ) [2, с. 133]. Для данной позиции нет оснований в УПК РФ, поскольку в нем не оговаривается, что при принятии такого заявления появляется обвиняемый.

Д.П. Великий полагает, что обвиняемый и подсудимый в рассматриваемом случае появляются одновременно с момента вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания, но права подсудимого ему разъясняются ранее – при вручении копии поданного заявления и ознакомлении с материалами дела [13, с. 251]. С таким толкованием закона также сложно согласиться, так как достаточно сложно представить одномоментное появление одного лица в двух качествах – и обвиняемого, и подсудимого.

Е.Л. Комбарова исходит из того, что обвиняемый по делу частного обвинения появляется после того, как мировой судья ознакомит лицо, в отношении которого подано заявление, с материалами уголовного дела, вручит ему копию поданного заявления и разъяснит права подсудимого в судебном заседании [4, с. 146]. Думается, в этом случае, скорее всего, появляется не обвиняемый, а подсудимый.

Все перечисленные мнения не могут быть признаны отвечающими позиции закона. Ведь в ст. 319 УПК РФ повторено 5 раз (!), что речь идет не об обвиняемом, а о «лице, в отношении которого подано заявление» (ч. 3, 4, 4.1), с учетом того обстоятельства, что в ч. 3 ст. 319 УПК РФ употреблены термины «его» и «данного лица» в значении «лица, в отношении которого подано заявление». Думается, что это не случайно, из текста ч. 3 ст. 319 УПК РФ однозначно вытекает, что до непосредственного рассмотрения дела мировым судьей в судебном заседании еще нет подсудимого, но нет и обвиняемого.

С другой стороны, ч. 1 ст. 318 УПК РФ устанавливает, что по делам частного обвинения уголовные дела в отношении конкретного лица возбуждаются путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, т.е. отправной момент для возникновения уголовно-процессуальных отношений – возбуждение уголовного дела имеет место, однако далее закон исходит из того, что, даже при наличии этих отношений потерпевшему «противостоит» «лицо, в отношении которого подано заявление».

С позиции Э.Ф. Куцовой, лицо, против которого подано заявление по делу частного обвинения, признается подсудимым, минуя его признание обвиняемым, с момента разъяснения мировым судьей этому лицу прав подсудимого, а в случае его неявки – путем направления ему копии названного заявления с письменным разъяснением прав подсудимого [15, с. 160].

Последняя позиция представляется более верной, однако, к большому сожалению, следует признать, что такой разброс мнений в литературе обусловлен тем, что законодатель не решил данную проблему. Из содержания соответствующих статей УПК РФ непонятно, когда «лицо, в отношении которого подано заявление» частным обвинителем, приобретает статус подсудимого, если оно не явилось к мировому судье и ему не были разъяснены его права. Согласно ч. 4 ст. 319 УПК РФ копия заявления с разъяснением прав подсудимого, а также условий и порядка примирения сторон направляется

судом подсудимому, на этом основании можно сделать вывод о том, что неявившееся к мировому судье «лицо, в отношении которого подано заявление», становится подсудимым.

М.Л. Поздняков отмечает, что само слово «обвиняемый» иллюстрирует ту роль, которая ему предназначена российским уголовно-процессуальным законом – «быть целью обвинения», в то время как в англо-американской традиции эта же роль обозначается иначе – «defendant», т.е. «защищающийся» или «защищаемый» – на первое место ставится право на активную позицию, возможность борьбы против обвинения». По его мнению, когда обвиняемый выступает не полноценным участником уголовного процесса, а как неодушевленный предмет, с которым работает правоохранительная система: обвиняемый как вещь последовательно передается из одного ведомства в другое, на каждом уровне за счет законных интересов обвиняемого решаются ведомственные задачи в виде соблюдения отчетности и выполнения целевых показателей. С его точки зрения, нарастающая в настоящее время механистичность судопроизводства сводит обвиняемого на уровень пассивного участника, реальные же возможности его защиты снижаются. Данная тенденция была изначально заложена в архитектуру отечественного уголовного процесса [9, с. 43].

В этой позиции, безусловно, есть логика, поскольку, действительно, в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве такие тенденции просматриваются, в частности, данный вывод вытекает из непомерно большого применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ). По статистическим данным, в 2012 г. в «особом порядке» было рассмотрено 63 % уголовных дел; в 2013 г. – 67 %; в 2014 г. – 70 %, в 2015 г. – 78 % [12], т. е. более $\frac{2}{3}$ приговоров выносятся в «особом порядке».

Небезынтересно в этой связи отметить, что при принятии решения Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 29 апреля 2014 г. по делу «Нацвлишвили и Тогонидзе против Грузии» судья ЕСПЧ А. Гюлумян выступила с частично особым мнением, в котором указала, что в условиях, когда около 99,6 % приговоров в Грузии были обвинительными, принятие обвиняемым предложений прокурора относительно заключения досудебного соглашения фактически носило вынужденный характер [7, с. 22]. Т.В. Трубникова по данному поводу справедливо замечает, что возможно ЕСПЧ при рассмотрении в будущем жалоб из России на недобровольный характер согласия обвиняемого на «особый порядок» примет во внимание данные российской судебной статистики, которые аналогичны грузинским (в 2014 г. оправдательные приговоры в судебной практике составили всего 0,164 % (!?) [14, с. 40].

Относительно рассматриваемой проблемы представляют определенный интерес изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство Франции (законами от 4 января 1993 г., от 24 августа 1993 г. и от 15 июня 2000 г.). Прежде всего, во Франции сама процедура предъявления обвинения

подверглась кардинальным переменам: термин «предъявление обвинения» заменен на термин «привлечение к рассмотрению», соответственно, вместо обвиняемого появился новый участник процесса – «лицо, привлеченное к рассмотрению». Согласно ст. 80-1 УПК Франции (в редакции Закона от 15 июля 2000 г.) следственный судья «имеет право привлечь к рассмотрению только лицо, против которого имеются серьезные и согласованные между собой доказательства, правдоподобно свидетельствующие, что оно принимало участие в совершении деяний, по факту которых следственный судья принял дело к своему производству» [3, с. 351].

По мнению Л.В. Головки, такое изменение терминологии неслучайно, а объясняется стремлением законодателя более последовательно отстаивать принцип презумпции невиновности, поскольку использование слов, содержащих корень «вина», а это слова «обвиняемый», «обвинение», данному принципу противоречат [3, с. 351].

Французский ученый Ж. Прадель в этом плане обращает внимание на то, что во французском судопроизводстве «разграничение между понятиями “обвиняемый” и “осужденный” в определенной степени уступило место единому понятию “лицо, совершившее преступление”» [1, с. 316].

В отечественной уголовно-процессуальной литературе высказано сомнение относительно целесообразности сохранения такого участника уголовного судопроизводства, как обвиняемый. Так, по мнению А.П. Кругликова, в соответствии с презумпцией невиновности (которая означает не что иное, как предположение) необходимо вообще исключить фигуру обвиняемого из уголовного судопроизводства. В этой связи он ставит такой вопрос: «Если предполагается, что обвиняемый до вступления в отношении него обвинительного приговора в законную силу является лицом, невиновным в совершении преступления, то каким же участником уголовного судопроизводства должно быть лицо, представшее перед судом?» И сам же на него отвечает: только подозреваемым. Автор полагает, что обвиняемый до вступления в отношении него обвинительного приговора является лицом, невиновным в совершении преступления, что в действительности перед судом находится подозреваемый в совершении преступления, поскольку лицо, в отношении которого имеется хотя бы обоснованное, но всего лишь подозрение (предположение) о совершении им преступления, является подозреваемым. На этом основании А.П. Кругликов предлагает исключить из УПК РФ фигуру обвиняемого, а оставить только подозреваемого, дополнив ст. 46 УПК РФ указанием на то, что подозреваемым является также лицо, в отношении которого вынесено постановление о предъявлении обвинения либо обвинительный акт, либо обвинительное постановление. С учетом данных рассуждений автор полагает, что это заставит органы предварительного расследования более тщательно собирать доказательства виновности или невиновности подозреваемого, а судья, понимая, что перед ним на скамье подсудимых находится лицо, лишь подозреваемое в совершении преступления, также внимательнее относился бы к исследованию и оценке имеющихся в деле доказательств и доказательств, полученных в ходе судебного следствия. По

мнению А.П. Кругликова, преодолеть обвинительный уклон в отечественном правосудии можно путем внесения изменений, которые бы предоставили судьям возможность считать, что перед ними на скамье подсудимых лицо, которое является лишь подозреваемым в совершении преступления [6, с. 107, 110].

В приведенной мотивировке автора имеется определенный резон, однако исключение фигуры обвиняемого из числа участников уголовного судопроизводства повлечет радикальные изменения практически всех основных институтов уголовного судопроизводства: презумпции невиновности обвиняемого, права обвиняемого на защиту, досудебного производства, задержания, предъявления обвинения и т. д. Кроме обвиняемого, придется исключить из числа участников уголовного судопроизводства и представителей обвиняемого, и подсудимого, т. е. по сути провести кардинальную реформу уголовного судопроизводства. Реально ли это в современных условиях? Хотя идея приведения в соответствие понятия обвиняемого и презумпции невиновности заслуживает самого пристального внимания. И здесь дело не в терминологии, а в существе проблемы. Появление обвиняемого как субъекта уголовно-процессуальных отношений обуславливается наличием достаточной совокупности доказательств, дающих право сформулировать обоснованное предположение (версию) о причастности конкретного человека к расследуемому преступлению. Только обвиняемый может стать подсудимым, а подсудимый – осужденным, т.е. виновным в совершении преступления.

С.Ю. Косарев предлагает ввести в уголовное судопроизводство дополнительно, кроме обвиняемого, фигуру «квазиобвиняемого», в роли которого, по его мнению, выступает обвиняемый в выделенном уголовном деле. В этой связи он отмечает, что довольно часто по таким делам обвиняемый по «старому» делу допрашивается в качестве свидетеля, что нарушает его права, гарантированные ст. 48 Конституции РФ и ст. 47 УПК РФ. На этом основании автор считает, что следует наделить «квазиобвиняемого», с одной стороны, правами обвиняемого, предусмотренными ст. 47 УПК РФ, в случаях производства с его участием следственных действий по выделенному уголовному делу по поводу уточнения обстоятельств ранее совершенного им преступления, а, с другой – правами свидетеля, предусмотренными ст. 56 УПК РФ, в случаях производства с его участием следственных действий по иным поводам [5, с. 81]. Предлагаемое решение вопроса вряд ли можно считать удачным, да и сам термин «квазиобвиняемый» вызывает возражения, поскольку термин «квази» (в пер. с лат. буквально – «как будто, будто бы») означает «мнимый», «не настоящий» [11, с. 272].

Проанализированные позиции ясно показывают, что проблема, связанная с понятием обвиняемого, казавшаяся на протяжении нескольких десятилетий стабильной и устоявшейся, не вызывающей споров в литературе, еще далека от своего завершеного решения, требует дальнейших исследований, а главное – более четкой позиции законодателя по многим ее аспектам, прежде всего при установлении соответствия самого

понятия обвиняемого презумпции невиновности, конкретности в определении процессуального статуса лица, в отношении которого подано заявление мировому судье, ясности и определенности при решении вопроса о статусе обвиняемого в выделенном уголовном деле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
2. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. 2-е изд-е перераб. и доп. М.: Эксмо, 2008. 816 с.
3. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Изд-е 2-е доп. и испр. М.: Зерцало-М, 2002. 528 с.
4. Комбарова Е.Л. Мировой суд в России: уголовное судопроизводство. М.: Юрлитинформ, 2015. 248 с.
5. Косарев С.Ю. О проблеме определения статуса обвиняемого в выделенном уголовном деле // Вестник Санкт-Петербург. юрид. акад. 2014. № 2. С. 79–82.
6. Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самар. гос. ун-та. 2014. № 11/2. С. 106–112.
7. Нацвлишвили и Тогонидзе против Грузии: Решение ЕСПЧ от 29 апр. 2014 г. // Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2014. № 8. С. 22–24.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению гражданина жалобы Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2005 г. № 473-О // СПС/КонсультантПлюс.
9. Поздняков М.Л. О возможности обжалования доказанности вины по приговорам, постановленным в особом порядке (глава 40 УПК РФ) // Евразийская адвокатура. 2012. № 1. С. 43–49.
10. Свиридова Ю.В. Применение особого порядка судебного разбирательства // Уголовный процесс. 2005. № 8. С. 32–36.
11. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.
12. Статистика рассмотренных судами Российской Федерации уголовных дел в особом порядке. Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 14.05.2016).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный науч.-практ. комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Ред. «Российской газеты», 2015. 912 с.
14. Трубникова Т.В. Особый порядок принятия судебного решения: возможна ли успешная жалоба в ЕСПЧ? // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 40–45.
15. Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко; изд-е 5-е перераб. и доп. М.: Зерцало, 2004. 704 с.